

УДК 27

DOI: 10.15393/j14.art.2015.63

Статья

Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избы»)¹

Суслова Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет,
пр. Ленина 33, 185910, Петрозаводск, Россия,
Институт истории, политических и социальных наук,
кандидат исторических наук,
специалист Исследовательской лаборатории локальной
и микроистории Карелии (ИЛЛМИК)

Аннотация. Статья посвящена изучению роли сельского священника в отношениях между «начальными людьми» и крестьянской общиной в годы функционирования в Олонецком уезде службы пашенных солдат (1649—1666). Исследование основано на сопоставительном анализе сведений документов из канцелярий олонецких воевод и новгородских митрополитов, а также массовых источников. Появление в крае иноземных и русских «начальных людей» оказало значимое влияние на жизнь прихожан. Сплоченные приходы активно отстаивали перед лицом «начальных людей» свои интересы при посредстве священнослужителей. В то же время, разногласия внутри общины приводили к втягиванию священника в возникавшие споры, в том числе по вопросам расселения «начальных людей» и организации обучения солдат военному делу.

Ключевые слова: православный карельский приход; священник; иноземные офицеры; русские начальные люди; пашенные солдаты; крестьянская община; традиционное общество; Олонецкий уезд; XVII век.

¹

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01225а2.

Введение

На протяжении восемнадцати лет — с 1649 по 1666 гг. — жители пятнадцати Заонежских и семи Лопских погостов были обязаны нести солдатскую и драгунскую службу. В ряды пашенных солдат, как установила Д. В. Брусницына, «было зачислено почти все мужское население — черносошные крестьяне, бобыли, дети клириков и причетников» [19: 21].

В свободное от занятий земледелием время крестьяне обучались иноземному строю и владению оружием. Вопреки данным солдатам обещаниям, государство стало отправлять их на театр боевых действий в войнах с Речью Посполитой (1653—1667) и Швецией (1656—1658). Изучив повседневную жизнь пашенных солдат Олонецкого уезда, Д. В. Брусницына пришла к выводу о том, что «военная служба привела к возникновению новых явлений в деревне: в межличностных отношениях крестьян, их взаимоотношениях с представителями местного самоуправления, уездной администрацией, военачальниками и другими должностными лицами, осуществлявшими розыск и отправку солдат на службу» [19: 21].

Служба крестьян в пашенных солдатах не могла не отразиться и на внутренней жизни приходской общины, которая в большинстве случаев совпадала с общиной крестьянской. Священник, выступая главой прихода, так или иначе оказывался в центре разнообразных бытовых и служебных конфликтов.

Характеризуя взаимоотношения пашенных солдат и «начальных людей», исследователи, в первую очередь, касаются проблемы конфессиональных различий между иноземными офицерами и крестьянами, однако обходят вопрос о том, какую роль играл приходской клирик в урегулировании возникавших ситуаций. В частности, поставив вопрос об адаптации иноземных офицеров в карельском крестьянском сообществе, А. С. Рыжков изучил документы «Олонецкой воеводской избы» за 1649—1651 гг. и установил, что крестьянская община очень плохо относилась к иноземцам, которым вынуждена была предоставлять дворы для постоя и от которых терпела многочисленные притеснения. Подчеркивая сложность выявления состава иноземных офицеров, прибывших в Олонецкий уезд в 1649 г., А. С. Рыжков отметил, что имена некоторых из них изменены на русские — близкие по звучанию или совершенно неожиданные [26].

Опираясь на роспись «начальных людей» полков олонецких пашенных солдат за 1653—1656 гг., Д. В. Брусницына развила это наблюдение. Исследовательница установила, что в числе иноземных офицеров, прибывших в Заонежские погосты, были и такие, которые уже поменяли свое вероисповедание [22: 176, 178—179]. Выявляя факты непослушания крестьян и солдат иноземным полковникам Александру Гамильтону и Мартину Кармихелю, автор соглашается с мнением Т. А. Опариной, подчеркнувшей, что принятие «начальными людьми» православия было одним из способов погашения конфессиональных конфликтов [22: 177—179].

Раскрывая особенности отношений пашенных солдат друг с другом и с русскими «начальными людьми», появившимися, как установила Д. В. Брусницына, в Олонецком уезде после 1654 г., исследователи нередко упоминают о священнослужителях [19: 19]. В частности, разбирая материалы следственного дела о взяточничестве и превышении должностных полномочий поручика Богдана Васильевича Головина, А. С. Рыжков выявил, что приходские клирики Лопских Панозерского и Шуезерского погостов активно участвовали в подаче в 1658 г. олонецкому воеводе челобитных от своего имени и от имени всех крестьян [27].

В одной из статей на основе анализа документов фонда «Олонецкой воеводской избы» и переписной книги пашенным солдатам Ивана Дивова, нам удалось установить, что приходским клирикам при поддержке прихожан — земских старост, солдат и крестьян — удавалось укрывать собственных сыновей от записи на службу и даже вычеркивать из списков после

отъезда «сыщиков» имена прибранных на службу родственников и соседей [28], [31: 63—65]. Упоминания об участии священников в поручительстве не только за своих сыновей, но и за прихожан позволили прийти к выводу о том, что они привлекались общиной и «сыщиками» с целью подкрепить своим авторитетом юридическую силу поручных записей и тем самым гарантировать соблюдение основными поручителями принятых на себя обязательств [31: 66]. Детальный анализ казуса, имевшего место в Кижском погосте в середине 1660-х гг., дал возможность сделать вывод о том, что церковные дьячки и их ближайшие расторопные родственники из числа земских старост, зная грамоту, используя властные полномочия и играя на настроениях возвратившихся с театра боевых действий солдат, находили пути уклонения от военной службы и добивались сохранения за своими семьями мест в причте [29].

Таким образом, в историографии сделаны отдельные ценные наблюдения об участии клириков наряду с крестьянами и солдатами в подаче жалоб на «начальных людей», укрывательстве ими собственных сыновей от государственной службы. Однако вопрос о роли клириков во взаимоотношениях между солдатами и «начальными людьми» требует дальнейшего, более пристального изучения. Его анализ в предпринятом исследовании опирается, в первую очередь, на выводы, к которым пришла Д. В. Брусницына, тщательно рассмотревшая на основе комплексного сопоставления разнообразных источников сюжеты, связанные с соотношением численности служивших в уезде иноземных и русских офицеров, проблемой расселения иноземцев по погостам и волостям, организацией обучения солдат военному делу и их отправки на театр боевых действий [19], [20], [21], [22], [23], [24].

Источники

В фонде «Олонецкой воеводской избы» Архива Санкт-Петербургского института истории РАН выявлены несколько судебных дел, связанных с урегулированием житейских ситуаций, в которых в том или ином контексте упоминаются приходские священники. Отобранные документы посвящены вопросам выделения дворов иноземным офицерам, организации обучения солдат военному делу, записи крестьян на государственную службу, жалоб мирян на превышение «начальными людьми» должностных полномочий. Однако исследование не ограничивается анализом указанных дел.

С целью более широкой реконструкции возникавших казусов в фонде «Олонецкой воеводской избы» (ф. 98), а также коллекциях новгородских актов (колл. 183) и актов канцелярии новгородского митрополита (колл. 171), хранящихся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, выявлены дополнительные сведения о жизни упоминаемых в делах солдат, крестьян и клириков. Факсимиле документов фонда «Олонецкой воеводской избы» были доступны автору в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии, сотрудники которой ведут работу по подготовке фонда к электронной публикации средствами Internet.

Всецело задействованы массовые источники — писцовая книга 1616—1619 гг. писца Ивана Львовского и переписная книга 1646 г. писца Ивана Писемского. В них выявлены ценные данные, позволяющие уточнить местонахождение дворов и состав семей священнослужителей, отдельных крестьян и пашенных солдат.

Клирики и иноземные офицеры

В фонде «Олонецкой воеводской избы» отсутствуют документы, которые позволили бы детально раскрыть вопрос о том, каким образом клирики карельских приходов выстраивали отношения с иноземными офицерами, которые в числе 104 человек прибыли в Олонецкий уезд весной-летом 1649 г. и были расселены по избам крестьян, запустевшим и старым дворам [19: 19].

В то же время, в канцелярии олонцкого воеводы сохранились два судебных дела, которые — в сопоставлении с другими источниками — позволяют сделать ряд предположений. Одно из дел касается обустройства прибывшего в 1649 г. в Андомский погост майора полка Мартина Кармихеля — Томаса Бейли. Еще по пути в уезд — в Вышнем Волочке, — как установила Д. В. Брусницына, он оказался в крайне сложном положении: никто не мог ему предоставить подвод для дальнейшего продвижения к месту службы, так как все крестьяне разбежались от прибывших ранее на ям и устроивших здесь «разбойные действия» иноземцев — Христофора Трейдена, Ирина Андросона и поручика Вильяма [23: 64]. Иноземец, подчеркивает Д. В. Брусницына, вынужден был обратиться к проезжавшему как раз в это время мимо яма новгородскому митрополиту Никону с просьбой передать его челобитную об этом факте государю [23: 64].

Оказавшись в Андомском погосте майор столкнулся с новой проблемой. Не без согласия мирян старосты Федка Июдин и Завьялка Фомин определили его на постой «в старом дворе попа Ивана Борисова» [4: 21]. Иноземец на свои средства отремонтировал двор — «лес покупал и работников наймывал» и вскоре потребовал у общины компенсации собственных расходов [4: 21 об.]. В челобитной, поданной олонцкому воеводе Василию Чоглокову весной 1650 г., майор не упомянул суммы, которую он потратил на обустройство жилья. Едва ли она была маленькой: после смерти клирика, служившего в погостских храмах в конце 1610-х гг., его двор пришел в совершенное запустение — «огнил и кровля была худа» [4: 21], [17: 364], [18: 376].

Следует отметить, что приходской священник Иван Борисов — как указали в конце 1610-х гг. писец Иван Льговский и подьячий Петр Воейков — проживал «на погосте» [17: 364]. Здесь же располагались две погостские церкви — Николая Чудотворца и Преображения Господня, дворы других клириков и причетников, подворья Муромского, Палеостровского и Соловецкого монастырей, двенадцать келий для «чернцов» и «черниц», пять дворов крестьянских и двадцать шесть бобыльских [18: 376—377 об.]. Это обстоятельство убеждает в том, что клирики, причетники и иночествующие могли быть неплохо осведомлены о подробностях быта и службы иноземца Томаса Бейли и даже не раз встретиться с ним — случайно пройти мимо или даже вступить в разговор какому-либо делу.

Развить наши предположения позволяет житейская ситуация, которая произошла в соседнем с Андомским — Ильинском Веницком погосте. Накануне первого большого смотра пашенных солдат в Олонце, назначенного на конец января 1650 г., во дворе крестьян Ивашки и Степашки Баженовых случилась драка [19: 17]. Помимо оказавшихся здесь солдат, в нее ввязались иноземец — прапорщик Давыд Сван и староста погоста Иван Пантелеев.

Олонцким воеводам — Федору Волконскому и Степану Елагину — стало известно об обстоятельствах дела во время смотра, когда в съезжую избу принесли свои челобитные брат иноземца-прапорщика — полковой квартирмейстер Ивашка Сван (24 января) и крестьяне Веницкого погоста — Черкаска Федоров и его племянник солдат Микулка Еремеев (25 января) [5: 5], [6: 29], [7: 3].

Ивашка Сван рассказал о случившемся со слов брата, так как накануне выехал из погоста на стан в Ошту к полковнику Мартину Кармихелю «для салдатского строенья» [5: 5]. Он сообщал, что в тот день во дворе крестьян Баженовых находился на постое сын боярский Елизарий Судок, который приехал «для своих беглых людей» и, угощая обедом своих гостей — прапорщика Давыда Свана и старосту Ивана Пянтелеева, «бил челом» с просьбой о помощи в розыске [5: 5], [6: 29]. По мнению иноземцев, драка началась по вине крестьянина Черкаска Федорова, который «пришел на тот двор... неведомо каким воровским вымыслом с ножами с голыми да с ним салдаты..., и учили озорничать и людей бранить и побивать» [5: 5]. Давыд

Сван вынужден был вмешаться в начавшуюся перепалку, «учал их унимать», но они даже не слушали его: стали «бранить матерны и палкою ушибли по щеке...», а после за ним «с ножами гонялись», «хотели изрезать... насмерть» [5: 5].

Совершенно иначе представляли дело Черкаска Федоров и Микулка Еремеев. Они подчеркивали, что пришли во двор крестьян Баженовых не для того, чтобы устраивать драку, но по пути «с погоста из мирской кельи» вместе со старостой Иваном Пянтелеевым [6: 29]. Черкаска Федоров при этом утверждал, что вступил в драку только после того, как «заслышал, что его племянника... бьют кольем». Об обстоятельствах драки он не помнил, упомянув только как бы между делом, что Елизарий Судокон их «вином потчивал» [6: 29].

Однако внимательный анализ челобитной его племянника Микулки Еремеева позволяет сделать вывод о том, что драка не была следствием случайно возникшей перепалки подвыпивших людей. Разногласия между солдатами Веницкого погоста и прапорщиком Давыдом Ивановым сыном Швановым возникли значительно ранее. Черкаска Федоров и Микулка Еремеев оказались представителями группы солдат, недовольных действиями прапорщика, который, с их точки зрения, не только держал в страхе и беспрекословном подчинении солдат «Тимофеева побережья», но и спекулировал вместе со священником Иваном Викуловым продажей мушкетов по высоким ценам [7: 3]. Микулка Еремеев считал, что иноземец смотрел сквозь пальцы на то, что «timoфеевские» солдаты, которые «ему двор ставят», «в ученье в морозах и в холоду мало ходят». Он был уверен и в том, что приходской клирик «с ним з Давыдом ест и пьет по вся день заодно и мушкетами лехкими торгует» [7: 3].

Реконструкция взаимоотношений, которые сложились между солдатами, прапорщиком и приходским священником накануне драки, позволяет шире взглянуть на житейскую ситуацию. В своей челобитной полковой квартирмейстер Ивашко Сванов упомянул, что, возвращаясь из избы крестьян Баженовых его брат «насилу, одва жив, ушел к себе на погост» [5: 5]. Это свидетельство позволяет утверждать, что Давыд Сван, так же как и Томас Бейли, проживал в одном из дворов, который был ему выделен общиной на погосте. В середине 1640-х гг. здесь стояли две погостские церкви Рождества Пресвятой Богородицы и Пророка Ильи, дворы священника Ивана Викулова и второго священника Пантелея Осипова, заступившего на «прибылое» место, дьячка Мишки Тарасьева, пономаря Филипки Миронова, бобыля Мишки Федорова, а также две кельи «нищих стариц-черниц» [18: 520 об.—521]. Проживая бок о бок с клириками и причетниками, прапорщик, который, судя по имени, принял православную веру, мог вступать с ними в разговор и быть гостем в их доме. Безусловно, слухи о возможном общении клирика с «чужаком» обусловили недовольство его поведением части крестьян, записанных на службу.

Как удалось установить, у клирика уже давно не складывались отношения с некоторыми прихожанами, в том числе с Черкасской Федоровым и его семьей. За несколько лет до конфликта — поздней осенью 1645 г. — Черкаска Федоров, исполняя должность земского старосты, подал от имени всех «мирских людей» челобитную новгородскому митрополиту Афонии [16: 1]. Староста жаловался владыке, что «мирские люди», включая крестьян вотчины Колмова монастыря, священника Ивана Викулова «за его безчинство от места отказали до государева указу и до твоего святительского благословенья», однако тот «мирского отказу не слушает и без твоего святительского указу служит» [16: 1].

Обвинения священника в спекуляции с продажей мушкетов, выдвинутые племянником Черкаска Федорова — Микулкой Еремеевым, подогревались еще и тем обстоятельством, что накануне первого большого смотра солдат в Олонце проблема снабжения вновь прибранных оружием являлась одной из самых острых. Д. В. Брусницына установила, что вместо 6 тыс.

чел., на которых было рассчитано количество отправленных в Заонежские погосты мушкетов, шпаг и бандалеров, на службу в течение 1649 г. зачислили 10 тыс. чел. [20: 50, 53—54]. Хотя в декабре того же года олонецкий воевода Василий Чоглоков разрешил не приходить на сход тем солдатам, которые не были вооружены, проблема оставалась актуальной, так как «начальным людям» полагалось обучать вновь прибранных стрельбе из мушкетов [20: 51].

Сопоставление выявленных сведений из жизни челобитчиков позволяют отчасти судить о том, насколько обоснованными были их обвинения. Следует прежде всего отметить, что Черкаска Федоров с племянником и солдаты «Тимофеева побережья», которых они обвиняли в беспрекословном подчинении и чуть ли не в сговоре с иноземцем-прапорщиком, проживали в деревнях, расположенных по разные стороны от погоста. Так, первые числились жителями единственного двора деревни под названием Великий Двор у часовни, стоявшей справа от погоста вверх по течению реки Ояти. Писец Иван Писемский отметил в 1646 г. во дворе двух братьев — Еремейку Федорова по прозвищу Богдашка и Петрушку Федорова по прозвищу Черкас — и их взрослых сыновей — Микулку Еремеева, Корнилку и Ивашку Петровых [18: 522 об.]. В то же время, упоминаемые Микулкой Еремеевым солдаты «Тимофеева побережья» и «тимофеевские крестьяны» уверенно могут быть идентифицированы с жителями деревни Тимофеевской и соседних с ней, располагавшихся слева от погоста вниз по течению реки Ояти (рис. 1) [18: 521].

Рис. 1. Ильинский Венецкий погост и околпогостские деревни [33]

Во второй половине 1640-х гг. семья Черкаска Федорова участвовала в волостном управлении. Так, сам Черкаска занимал выборную должность земского старосты в 1645/46 г., а его племянник Микулка Еремеев — в 1649/50 г. [3: 1], [16: 1]. Именно они, вопреки настроениям части мирян, ратовали за то, «чтоб быть впредь воеводам» в Заонежских погостах, подав в Москве соответствующую челобитную в 1646 г. [1: 54—55]. Несогласные с этой позицией крестьяне Заонежских погостов Ермолка Григорьев и Трофимко Яковлев «с товарищи» называли их не иначе

как «мирские съедники, горланы и ябедники», которые желали «быть у денежных сборов» и крестьян «испродать» [1: 54—55]. Они утверждали, что Черкаска Федоров являлся «советником» и «наемным челобитчиком» князя Петра Хилкова, шестого по счету из восьми перебивавших в крае с 1614 по 1649 г. воевод [2: 57], [32: 106]. Злоупотребления таких «лихоимцев-воевод», каким проявил себя Петр Хилков, как установила И. А. Чернякова, приводило к запустению деревень, особенно опасному ввиду близости границы со Швецией [32: 106]. С мнением крестьян, негативно отзывавшихся о Черкаске Федорове, согласилась Р. Б. Мюллер. Привлекая документы фонда «Приказных дел старых лет по Новгородской четверти», хранящегося в РГАДА, и акты из канцелярии олонецких воевод, исследовательница установила, что Черкаска Федоров, в течение многих лет занимавший должность старосты погоста, дважды был осужден за разного рода злоупотребления, но так и не понес никакого наказания; в то время как его сыну Ивашке удалось, «пользуясь связями» отца, «уклониться от драгунской службы и занять место подьячего на Олонце» [25: 109]. Уверенно полагаем, что Черкаска Федоров с племянником были как раз теми людьми, на которых жаловался олонецкому воеводе полковник Александр Гамильтон, заявивший, что «в погостах есть некоторые люди, которые «подговаривают» солдат к непослушанию начальным людям и неисполнению их приказов» [22: 178].

Разногласия, которые возникли между клириком и прихожанами, вылившиеся в открытый конфликт, вряд ли были урегулированы, и священника Ивана Викулова все же сместили с занимаемой должности. Об этом позволяет судить прежде всего отсутствие каких-либо упоминаний о клирике в документах «Олонецкой воеводской избы» за более поздний период. Однако семья не потеряла доверия среди прихожан. В середине 1670-х гг. в причт был введен родной брат Ивана Викулова, занявший место священника, — Епифан Викулов [13: 9 об.]. Разобранные жизненные ситуации свидетельствуют о том, что появление иноземца-«чужака» — иной конфессии или даже крещеного в православие — осложняло и без того непростые взаимоотношения клириков и прихожан ввиду предпринятых правительством в Олонецком уезде административной и военной реформ. Взаимная неприязнь и даже иная конфессиональная принадлежность иноземца не мешала крестьянам поселить его с семьей и слугами на виду у всех — близ православного храма и дворов церковного причта.

Клирики и русские офицеры

Как отметила Д. В. Брусницына, в течение нескольких лет — после 1654 г. — все иноземные «начальные люди» отправились на войну [22: 177]. Примерно с этого времени в Олонецком уезде появляются русские офицеры. К середине 1650-х гг., согласно подсчетам Д. В. Брусницыной, они составляли приблизительно четверть от общего числа «начальных людей» (57 человек в 1656 г.) [19: 19]. В фонде «Олонецкой воеводской избы» сохранились документы, которые содержат ценные сведения, позволяющие выявить некоторые особенности взаимоотношений русских военных младшего командного состава — поручиков — с сельскими клириками, служившими в храмах Лопских погостов.

Разбирая дело о злоупотреблениях поручика Богдана Головина, А. С. Рыжков уделил первостепенное внимание реконструкции хода судебного расследования, которое проводилось по поданным крестьянами челобитным в феврале-августе 1658 г. в Шуезерском, Панозерском, Паданском, Ругозерском и Селецком Лопских погостах [27]. Объясняя поведение крестьян, которые вскоре стали отрицать данные ранее на поручика показания, исследователь пришел к выводу о том, что олонецкие воеводы Степан Елагин и Василий Чоглоков, боясь возможного обвинения в попустительстве действиям поручика, заставили крестьян пойти на этот шаг. Анализируя отношение крестьян к деятельности Богдана Головина по высылке солдат на

службу в 1657 г., автор, в то же время, обходит стороной вопрос о взаимоотношениях поручика и приходских священников, которые довольно часто упоминаются в материалах дела.

В частности, отправленные в январе 1658 г. для записи свидетельских показаний «сыщики» во главе с посадским человеком Иваном Леонтьевым допрашивали мирян в четко определенном порядке: сначала земского старосту, затем священника и уже потом крестьян. О той значимой роли, какую играли сельские клирики Лопских погостов в волостном управлении, позволяет судить хотя бы свидетельство новокрещена Захара Ахманова и посадского человека Нефеда Осипова, прибывших в Ругозеро 15 мая 1658 г. В отписке олонецким воеводам они сообщали, что в погосте «старосты не было и нет», поэтому наказную память солдатам, которые, «заслыша» об их появлении, «збегли по лесом и по лешим пашням», они «оставили попу Никите Поликарпову» [8: 29].

Первые свидетельские показания посадский человек Кондратий Фалелеев и сержант Мартын Юрьев собрали в январе 1658 г. в Шуерецком погосте, на стане в Тунгуде. В допросных речах, составленных от имени священника Алексея Терентьева, старосты Кипрушки Ефимова и «волостных людей», жители погоста рассказывали о том, как их поручик Богдан Головин «в веревки держал» и сколько денег «вымучил» [8: 79]. Священник поддержал слова своих прихожан. Он заявил, что поручик, приехавший на стан в Тунгуду, велел ему «отбой ложной писать» на солдат и к документу «руку приложить» [8: 78]. Вспоминая о случившемся, священник передавал свои слова так: «И я, попенцо, руки не приложил, потому што салдаты даваютца на службу, а он не возмет». Из свидетельских показаний жителей погоста следует, что поручик, столкнувшись со столь сплоченным поведением прихожан, пошел на хитрый шаг: солдат, которые пришли за ним следом в Паданский погост, он отправил обратно, но по пути домой задержал, «в смык связал и в подполье держал», пока не получил «денег..., у кого сколько мог взять» [8: 78]. Этой участи не избежал и клирик, который вновь отказался составлять «похвальную челобитную» от имени всех крестьян [8: 78].

Схожие обвинения в июле 1658 г. были выдвинуты против поручика жителями Панозерского погоста, староста которого Гаврилка Остафьев вместе с волостным человеком Ивашкой Иевлевым приехали в Олонец с челобитными, составленными от имени «всех охудалых христиан и бобылей и салдатцких отцов и захребетников и всяких жилецких людей» [8: 46—47]. Они привезли с собой и челобитную своего приходского клирика Стефана Ильина.

Староста свидетельствовал, что поручик, приехавший в их погост на сорока подводах, его «старостишку Гаврилку и салдат и салдатцких отцов и бобылей и захребетников и бедных вдовиц слепых переимал и в веревку вязал и в смыку держал и в подполье всажал и всякими муками мучил», пока не конфисковал «что у ково... какова живота и денег и жемчугу» [8: 46—47]. Со слов крестьян, поручик не посчитался и со священником Стефаном Ильиным. В челобитной, составленной от его имени, было указано, что Богдан Головин «со всеми людьми своими» приезжал к клирику «на двор... неведомо почему и, ...поймав, в веревку вязал и в смык положил, и в подполье сажал и всякими муками мучил», пока не «вымучил... пять рублей» (1000 денег) [8: 50], [34: 20]. Такую же сумму поручик «вымучил» и у земского старосты Гаврилки Остафьева [8: 85]. Для сравнения отметим, что на эти деньги в Селецком погосте в 1654/55—1659 гг. можно было приобрести 25 возов сена, которое «охудалой» крестьянин Калинка Козмин заготавливал в уречище близ реки Селы (воз по две гривны) [10: 1]. Как удалось установить Д. В. Брусницыной, за чуть большую сумму (от 6,5 рублей и выше) крестьяне могли нанять на год вместо себя в солдаты лиц, готовых служить за определенную плату [21: 13], [24: 112].

Та сумма денег, которую Богдан Головин «вымучил» у священника, убеждает в том, что он знал о его особом статусе как главы прихода. Демонстративное обращение с сельскими кли-

риками, так же как и с мирянами, позволяет предположить, что поручик стремился по-своему проучить священнослужителей, которые отнюдь не отстранялись от внутренних дел общины, но всячески поддерживали ее. На мысль об этом наводят и слова самого поручика, который на допросе заявил, что священник Стефан Ильин подал челобитную не от себя, но «стакався с старостою... и с волосными людьми заодно» [8: 51].

В то же время, не все священники разделили общую участь. Так, например, к клирику Селецкого погоста Хрисанфу Никитину поручик Богдан Головин отнесся достаточно уважительно. Именно в его доме в запертой на ключ коробье он оставил на сохранение имущество, в том числе «вымученное» у местных крестьян [8: 95]. В его избе в присутствии посадского олонецкого человека Кондратия Фалелеева коробью вскрыли и освидетельствовали. В составлении списка «животов», обнаруженных в ней, а также изъятых у «товарищей» Богдана Головина, участвовал родной брат клирика — церковный дьячок Акинф Никитин [8: 93—94]. Роспись предоставил «сыщику» и сам священник. В ней он указал, что поручик «оставил у него» множество шкурок пушных зверей: «сто дватцет белок и четыре белки, да лисица красная, да лебежья кожа, да в дву мешечках лебежья пуху немного да в третьем мешечки перья лебежья немного» [8: 95].

Как удалось установить, в отличие от своих «товарищей» по службе, священник Хрисанф Никитин заслужил доверие новгородского владыки. В частности, ему был поручен сбор «церковной дани» со всех приходов Лопских погостов [14: 47—49], [15: 148—150]. Именно в годы его служения в погостских храмах Селецкого погоста были освящены в конце 1650-х — начале 1660-х гг. два выставочных храма — Ильи Пророка в Янгозере и Рождества Пресвятой Богородицы в Гимолах [30: 119].

Лояльное отношение Богдана Головина к Хрисанфу Никитину было во многом обусловлено тем, что в Селецком погосте он не встретил сопротивления со стороны крестьян и солдат, которых еще зимой 1657 г. переписал солдатский высылщик Иван Дивов, который не смог добраться только до самых дальних погостов — Ругозерского, Шуезерского и Панозерского [27]. Солдаты Селецкого погоста, напротив, выступили в роли понятых, которые оправдывали действия Богдана Головина и считали, что тот взял их с собой «в дальния погосты на ослушников» и «бунтовщиков» [8: 115, 124].

Так или иначе, выявленные свидетельства убеждают в том, что крестьянская община не была безмолвна перед лицом облеченных властными полномочиями и чувствовавшими себя «хозяевами» положения «начальных людей», говоривших по-русски, но остававшихся «чужаками». Опираясь на авторитет своих приходских священников, которых они сами избирали и обеспечивали пропитанием, крестьяне выступали на защиту своих коллективных интересов.

Начавшиеся в 1658 г. в Олонецком уезде расследования злоупотреблений солдатских высылщиков — Ивана Дивова и Богдана Головина — оказывали влияние на взаимоотношения между мирянами и «начальными людьми», состоявшими на службе в погостах [19: 19]. Сельские священники не занимали в возникавших житейских ситуациях нейтральной позиции, активно поддерживая ту или иную группу прихожан. Об этом позволяет судить случай, произошедший в Линдозерском погосте. Поручик Кузьма Макарьев сын Шишкин из полка Вальтера Кармихеля оказался втянут в конфликт, который возник внутри общины. В 1656/57 г. староста погоста Савка Микитин вместе со священником Иваном Анфиногеновым и солдатскими отцами — пономарем Михаилом Макарьевым, Осипом Григорьевым и Якимкой Яковлевым по прозвищу Кошка — собрали на мирские нужды с волостных людей деньги, однако по каким-то причинам не успели передать их вновь избранному на 1657/58 г. старосте Андрею Фофанову. Новый староста, не вникая в подробности дела, обвинил поручика Кузьму Макарьева сына Шишкина из полка Вальтера Кармихеля в вымогательстве у мирян четырнадцати рублей,

о чем подал сказку специально приехавшему в Олонецкий уезд для расследования различных злоупотреблений должностных лиц дворянину Сергею Малово [9: 5].

Поручик, с которого по повелению дворянина эти деньги были «доправлены и отданы старосте», подал Сергею Малово ответную челобитную, заявляя, что «тех денег на них не имывал и их не мучил», и разъясняя, что эти деньги остались у священника и бывшего старосты. Получив наказную память, Кузьма Шишкин отправился в Олонец, где пробыл «многое время», ожидая суда [9: 5]. В деле сохранилась его повторная челобитная, которую он подал 8 января 1658 г., после того как ответчики не приехали в город, и мировая челобитная, переданная в съезжую избу спустя почти месяц, 3 февраля [9: 5 об.]. Не останавливаясь на пересказе обстоятельств конфликта, поручик сообщал, что «поговоря меж собою с ними, не ходя на очную ставку, помирился». Священник Иван Анфиногенов и солдатские отцы, в числе которых был и бывший староста, вернули ранее взысканную с него в пользу общины сумму [9: 7].

Хотя в январе 1658 г. конфликт еще не был исчерпан, олонецкий воевода Василий Чоголков привлек Козьму Шишкина — в числе других «начальных людей» — к поручительству за прибывшего в Олонец для разбирательства Богдана Головина [8: 109]. Этот факт свидетельствует о том, что воевода доверял поручику, несмотря на начатое против него разбирательство.

После урегулирования житейской ситуации, Козьма Шишкин продолжил службу в Лопских погостах. Переписка олонецкого воеводы с «начальными людьми» позволяет заключить, что осенью 1660 г. поручик сопровождал прапорщика Макария Микитина сына Брюхова, объезжавшего в это время Паданский и Селецкий (сентябрь), Линдозерский (октябрь) и Семчезерский (ноябрь) погосты в поисках беглых солдат и «гулящих» людей [11: 28, 59—60, 62, 67, 84], [12: 38]. При этом по просьбе волостных людей, в том числе старосты Григория Микитина, небезызвестных капрала Андрея Фофанова, Михаила Макарьева, Осипа Григорьева, священник Иван Анфиногенов удостоверил их «сказку» о солдатах их погоста — убитых, пленных, оставшихся на службе в Полоцке и нанявших вместо себя на службу других лиц [11: 60 об.].

Выводы

Сопоставление сведений, выявленных по крупичкам в фонде «Олонецкой воеводской избы» и массовых источниках, убеждает в том, что появление в Заонежских и Лопских погостах «начальных людей» отразилось на взаимоотношениях клириков и мирян. Сельский священник, выступая главой прихода, не отстранялся от повседневных дел общины, в том числе в ее взаимоотношениях с русскими и иноземными офицерами. Там, где община была сплоченной, священник оказывался выразителем ее интересов. Тогда офицеры воспринимались как «чужаки», которые своим поведением нередко вызывали — как, кстати, и лица, состоявшие на службе у олонецких воевод, — недоверие и подозрения со стороны крестьян. В случае разлада внутри общины клирик, с нашей точки зрения, никогда не высказывал собственных взглядов, но поддерживал одну из групп мирян. Именно разногласия между отдельными группами крестьян могли порождать и подогревать разнообразные слухи, подрывавшие авторитет клирика среди прихожан. К их числу можно отнести обвинения в тесном общении с иноземцем, пусть даже крещеным в православную веру, спекуляцией с продажей оружия. Как справедливо подчеркивает Д. В. Брусницына, «само по себе подчинение иноверцам считалось в среде русских крестьян недостойным и унижительным» [23: 63].

На данном этапе исследования практически ничего не известно о том, общались ли между собой иноземные офицеры и священники карельских приходов. Однако сам факт проживания и тех и других на погосте свидетельствует о том, что такое общение было вполне возможно, в случае если офицеры обращались в православную веру.

Военные младших чинов — прапорщики и поручики — хорошо знали об особом статусе приходских священников и нередко пользовались им, передавая через них общине важные документы и оставляя на сохранение имущество. В то же время, сталкиваясь с сопротивлением всей общины и стремясь сломить его, они поступали с клириками, со слов мирян — так же жестко, как и с ними самими.

ИСТОЧНИКИ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ:

1. Мирская челобитная крестьян Заонежских погостов в Новгородский приказ об упразднении воевод в погостах // Карелия в XVII веке : сборник документов / сост. Р. Б. Мюллер. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1948. С. 54—55 (№ 34).
2. Грамота из Новгородского приказа старостам и крестьянам Заонежских погостов об упразднении воевод в погостах // Карелия в XVII веке : сборник документов / сост. Р. Б. Мюллер. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1948. С. 55—59 (№ 35).

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ:

3. Челобитная крестьянина Ильинского Веницкого погоста Федки Борисова с жалобой на старосту того же погоста Микулу Еремиева, который не доплатил ему «плотничьих» денег за четыре с половиной недели // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 1. Д. 43. Л. 1—1 об.
4. Челобитная майора полка Мартына Кармихеля «кормового» иноземца Томаса Бейли с жалобой на старост Никольского Андомского погоста Федора Фомина и других, не выплативших ему денег, израсходованных на покупку леса и наем рабочих для починки старого двора священника Ивана Борисова, в который майора поселили старосты 1649/50 г. Федка Иудин и Завьялко Фомина // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 1. Д. 147(12). Л. 21—21 об.
5. Дело по челобитной полкового квартирмейстера Ивашки Сванова (Шванова) с жалобой на крестьянина Черкаса Федорова с детьми и племянником Микулой Еремеевым, бранивших, бивших и угрожавших убить его брата прапорщика Давыда Свана // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 1. Д. 80в. Л. 5—8.
6. Дело об избииении жителя Ильинского Веницкого погоста Черкаса Федорова и его племянника Микулы Еремеева крестьянами Веницкого погоста Степаном Баженовым с братьями // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 1. Д. 35ф. Л. 29—30.
7. Дело по челобитной солдата Ильинского Веницкого погоста Микулки Еремиева о сыске по делу против него по челобитью солдатского учителя иноземца Давыда Иванова сына Шванова (Сванова) // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 1. Д. 80б. Л. 3—4.
8. Дело о неповиновении жителей Лопских Ругозерского, Селецкого, Панозерского и Шуезерского погостов, вызванного приездом поручика полка Вальтера Кармихеля Богдана Васильева сына Головина для сбора солдат и драгун и отправки их на государеву службу по указу олонецкого воеводы Василия Чоглокова // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 2. Д. 79. Л. 1—125.
9. Дело по обвинению поручика Кузьмы Макарьева сына Шишкина старостой Никольского Линдозерского погоста Андреем Фофановым в вымогательстве им денег у крестьян // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 2. Д. 92. Л. 5—7.
10. Дело о захвате жителем Совдозерской волости Спасского Селецкого погоста Лазаркой Михеевым пожен у охудалого крестьянина Калинки Козьмина // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 3. Д. 3. Л. 1—2.
11. Дело о розыске беглых солдат и драгун в разных погостах Олонецкого уезда и высылке на службу «нетчиков» и их родственников // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 4. Д. 1. Л. 1—98.
12. Дело о розыске умерших и беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда, а также об организации высылки солдат-«нетчиков» и новоприборных в полки // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 3. Д. 83. Л. 1—61.

13. Грамота о выборе в старосты Ильинского Веницкого погоста и выставочных волостей на 1675/76 г. крестьян того же погоста Василия Иванова сына Алексеева и Семена Филиппова сына Понамарева // Архив СПб ИИ РАН. Ф 98 (Олонецкая воеводская изба). К. 7. Д. 92. Л. 9—12.
14. Акты о сборе церковной дани и пошлин с церквей и монастырей Новгородской епархии по указу митрополита Иоакима // Архив СПб ИИ РАН. Колл. 171 (Акты новгородского софийского дома). Д. 188. Л. 91—141.
15. Дело о выборе в поповские старосты протопопа Олонецкого собора Никифора Моисеева // Архив СПб ИИ РАН. Колл. 171 (Акты новгородского софийского дома). Д. 189. Л. 142—151.
16. Челобитная новгородскому митрополиту Аффонию Веницкого погоста старосты Черкаски Федорова о том, что Колмова монастыря крестьянин Ивашко Семенов подал изветную челобитную Веницкого погоста на попа на Ивана Викулова, обвиняя его в бесчинстве // Архив СПб ИИ РАН. Колл. 183 (Новгородские акты). Д. 147. Л. 1—1 об.
17. Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского («дворцовые» земли) // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 8554. 939 л.
18. 1646. — Переписная книга Заонежских погостов И. Писемского, Л. Сумина и подьячего Я. Еуфимьева // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Кн. 980. 577 л.

ЛИТЕРАТУРА

НАУЧНАЯ

19. *Брусницына, Д. В.* Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье : опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649—1666) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Брусницына Дарья Владимировна ; Санкт-Петербургский ин-т истории РАН. Санкт-Петербург, 2014. 24 с.
20. *Брусницына, Д. В.* Олонецкие пашенные солдаты : к вопросу о формировании полков в 1649 г. [Электронный ресурс] // CARELiCA : Научный электронный журнал. 2014. № 2 (12). С. 47—56. URL : http://carelica.petrus.ru/2014/Brusnitsyna_3.pdf. — (14.12.2015)
21. *Брусницына, Д. В.* Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649—1666) [Электронный ресурс] // CARELiCA : Научный электронный журнал. 2013. № 1 (10). С. 10—18. URL : http://carelica.petrus.ru/2013/Brusnitsyna_2013.pdf — (14.12.2015).
22. *Брусницына, Д. В.* «Начальные люди» олонецких полков пашенных солдат (1649—1666) [Электронный ресурс] // CARELiCA : Научный электронный журнал. 2013. № 1 (10). С. 170—185. URL : http://carelica.petrus.ru/2013/Brusnitsyna_A.pdf. — (14.12.2015)
23. *Брусницына, Д. В.* Иноземные офицеры XVII века — ценные специалисты на службе государства или «обидчики» подданных царя? [Электронный ресурс] // Университеты в образовательном пространстве региона : опыт, традиции и инновации. Материалы VI региональной научно-методической конференции (22—23 ноября 2012 г.). Часть 1. (А—К). Петрозаводск, 2012. С. 63—65. URL : http://petrus.ru/files/2012/11/f7109_9.pdf. — (14.12.2015)
24. *Брусницына, Д. В.* Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века : по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. Серия История. 2011. № 31. Вып. 4. С. 104—118.
25. *Мюллер, Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1947. 176 с.
26. *Рыжков, А. С.* Офицер — иноземец : проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе (Карелия, вторая половина XVII века) [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК (ISSN 1819-9399). 2006. № 1—2. URL : http://illmik.petrus.ru/news/New_Results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html. — (14.12.2015)
27. *Рыжков, А. С.* Поручик Богдан Головин — организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века [Электронный ресурс] // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК (ISSN 1819-9399). 2007. № 1 (3). URL : <http://illmik.petrus.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>. — (14.12.2015)

28. *Суслова, Е. Д.* Духовенство Новгородской епархии в российско-шведском приграничье XVII века : практика привлечения к службе в пашенных солдатах и ее последствия (по олонетским актам) // Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России. Материалы международной научно-практической конференции. Великий Новгород, 2009. С. 281—287.
29. *Суслова, Е. Д.* Конфликт братьев Маркеловых : опыт урегулирования спора о причетнической должности церковного дьячка в Кижском погосте в середине XVII в. // Рябининские чтения—2011 : Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск, 2011. С. 182—184.
30. *Суслова, Е. Д.* Церковно-приходская система в Карелии конца XV — начала XVIII века [Электронный ресурс] / науч. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 244 с. URL : http://carelica.petrus.ru/Reading_hall/Suslova/Titul.pdf. — (14.12.2015)
31. *Суслова, Е. Д.* Служители церкви в Карелии раннего нового времени : складывание династий. [Электронный ресурс] / науч. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 161 с. URL : http://carelica.petrus.ru/Reading_hall/SUSLOVA_2/GLAVA_5.pdf. — (14.12.2015)
32. *Чернякова, И. А.* Карелия на переломе эпох : Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с.

СПРАВОЧНАЯ

33. Картографическая справочно-информационная система «Генеральное межевание Олонетской губернии» [Электронный ресурс] / И. А. Чернякова, А. М. Шредерс, Е. В. Ляля, О. В. Черняков // Петрозавод. гос. ун-т. — Электрон. дан. — [Петрозаводск], 2011. — URL : <http://maps.karelia.ru/mez/>. — (14.12.2015)
34. *Курашов, А. А.* Метрология России и Русского Севера. Архангельск : Архангельский филиал географического общества СССР, 1991. 23 с.

Evgeniia D. Suslova

Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
PhD, Researcher of the Investigative Laboratory for Local
and Microhistory of Karelia (ILLMiK)

Parish priest and «Leading people» in Karelia in the middle of the 17th century : aspects of their relations (according to documents from Olonets military commander's Collection)

Abstract : The article focuses on the role of a village priest in the relationship between the «Leading people» and the peasant community during the service of ploughmen soldiers in the Olonets uezd (1649—1666). The study is based on the comparative analysis of records from Chancellery of Olonets military commanders, Chancellery of Novgorodian metropolitan, as well as mass sources. The appearance of foreign and Russian «Leading people» in the uezd had a significant impact on the relations among parishioners. In the face of «Leading people» cohesive parishes together with clergy actively defended their interests. At the same time, controversies within the parish community led to the involvement of a priest in disputes, including those disputes, which were concerned with the settlement of «leading people» and the organization of soldiers' training.

Key words : Orthodox Karelian parish; priest; foreign officers; Russian officers; peasant community; ploughmen soldiers; traditional society; Olonets uezd; the 17th century